

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

М. Ш. Магомед-Эминов

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

В статье предлагается онтологическая концептуализация феномена экстремальности, рассматриваемая с точки зрения трансформации бытия личности в неповседневном, трансординарном мире. Формулируются методологические положения и научная логика концептуализации, которая конкретизируется в следующих понятиях: опыт бытия и небытия, работа личности, смысловая и поведенческая работа личности, позитивная и негативная экстремальность, смысл жизни и смысл смерти, конструирование характера психических последствий экстремальности — психической травмы, трансформация личности.

Ключевые слова: экстремальность, работа личности, предельный феномен, принцип связывания, смысловые структуры, самоидентичность, мотивация, пассивность, активность.

The paper presents an ontological conceptualization of the phenomenon of extremity, which is considered in the context of personality transformation in the trans-ordinary world. Methodological principles and scientific logic of conceptualization are proposed and specified in the following concepts: the experience of being and non-being, personality work, meaning and behavioral personality work, positive and negative extremity, the meaning of life and the meaning of death, the nature of the construction of psychological effects of extremity — psychic trauma and personal transformation.

Key words: extremity, personality work, ultimacy phenomenon, binding principle, meaning structures, self-identity, motivation, passivity, activity.

Актуальность онтологического рассмотрения феномена экстремальности в психологии возникает в связи с кардинальными трансформациями социокультурного бытия современного человека и парадигмальной трансформацией научной рациональности,

Магомед-Эминов Мадрудин Шамсудинович — докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой экстремальной психологии и психологической помощи ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* m_sh_m@mail.ru

требующей динамического понимания человеческой психики в изменяющихся процессах жизни, бытия личности в мире. По этой причине основополагающим для концептуализации феномена экстремальности для нас будет понятие бытия личности, понимаемое темпорально — в культурно-историческом становлении и трансформации.

Понятие экстремальности было заимствовано психологией из медицинских исследований психогенных реакций человека на чрезвычайные ситуации, из физиологического учения Г. Селье о стрессе, или общем адаптационном синдроме, а также из исследований адаптации человека в особых условиях жизни — технических, экологических, на войне и др. Подобное понимание не доходит до онтологии личности, а продолжает оставаться в кругу физиологических реакций, эмоциональных процессов, когнитивных и поведенческих нарушений.

В исследованиях, посвященных экстраординарным, чрезвычайным событиям, используется очень пестрый набор терминов: стрессор (Selye, 1956, 1974, 1976), факторы, предъявляющие индивиду требования, превышающие личностные ресурсы (Lazarus, Folkman, 1984), экстремальность (Davidson, 1984), травматический стрессор (Van der Kolk et al., 1996), экстремальный стресс (Baider, Sarel, 1984), массивный стресс (Schmolling, 1984), бедствие (McCaughey, 1985), травматическое событие (Krystal, 1968), травматический стресс (Figley, 1986; Wilson, Krauss, 1985). Экстремальные ситуации называют травматическими (Тарабрина, 2001; Figley, 1986), критическими (Василюк, 1984), катастрофическими (Figley, 1986), трудными жизненными (Анцыферова, 1994; Нартова-Бочавер, 1997), жизненными событиями (Дикая, Махнач, 1996), жизненными ситуациями (Бурлачук, Коржова, 1998), напряженными ситуациями (Дьяченко и др., 1985), необычными условиями (Лебедев, 1989), экстремальными условиями или факторами (Александровский и др., 1991; Марищук, Евдокимов, 2001). Наконец, вместо термина «экстремальная ситуация» используются также термины «кризисная ситуация» (после Э. Линдемманна), «чрезвычайная ситуация» (Кекелидзе, 2004).

Прежде всего проясним научную логику нашей работы и отметим несколько важных для дальнейшего анализа моментов. Мы основываемся на положении — назовем его онтологическим статусом бытия личности — о том, что личность, конкретного человека, надо рассмотреть в бытии в совместном мире, в котором он тем или иным образом обращается (работает) с собственным и несобственным бытием. На его основе уточняется известное положение теории деятельности: человек рассматривается в предметной деятельности, но в деятельности, с которой он тем или иным образом обращается, работает. Тогда за «предмет» психики, или психической интенцио-

нальности, принимается не зафиксированный объект, предмет, а процессы жизни, т.е. сама предметная деятельность человека. В таком случае мы можем утверждать, что для понимания феномена экстремальности (и не только) имеет значение не столько сам экстремальный, травматический, стрессовый опыт, сколько опыт, с которым человек обращается. Так, например, имеет значение, что человек делает со своим опытом жизни, бытия, превращает ли его в юдоль несчастий и/или в источник роста и развития.

Для нас всякая экстремальная ситуация — это не просто стимульная конфигурация, вызывающая паттерн реакции, а трансординарная, неповседневная ситуация человеческого бытия мира. Это первый шаг, который в последнее время становится популярным под влиянием фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и работы С.Л. Рубинштейна «Человек и мир», но он недостаточен. Нам нужно ухватить удвоение онтологии личности: в бытии человек не просто присутствует как вещь или наличность — он тем или иным образом относится к способам своего бытия, своего существования, решая задачи на смысл, осуществляя поступки, проявляя заботу, делая выбор, занимая позицию и т.д.

Понимание экстремальности в онтологическом горизонте бытия личности — человеческого индивидуума — в предельных, трансординарных модусах бытия, на первый взгляд, не создает особых проблем для психологической концептуализации. Достаточно связать экстремальность с каким-нибудь экстраординарным, чрезвычайным жизненным событием — катастрофой, войной, терактом, цунами, наводнением, пожаром, землетрясением, экономическим или социально-политическим кризисом — и уточнить ее содержание через такие деструктивные последствия данного события, как человеческие жертвы, ущерб здоровью, окружающей среде, материальные потери, нарушение условий жизни и др. Однако такое наивно-эмпирическое, натуралистическое понимание экстремальности не может лечь в основу ее психологического определения. В собственно психологическом плане экстремальные требования ситуации (стимулы) надо соотносить с психическими реакциями человека, который в этой ситуации пребывает, и называть экстремальными особые, измененные условия, предъявляющие предельно (или даже запредельно) высокие требования к деятельности человека; стрессоры, ухудшающие работоспособность и подрывающие здоровье человека; травматические ситуации, угрожающие смертью (небытием) и вызывающие посттравматические реакции и расстройств. Подобное определение так или иначе основывается на понятии предельной стимуляции и реакций. Однако понятие предельности не удастся раскрыть содержательно без рассмотрения отношения личности к стимулу, реакции и другим факторам, т.е. их

личностного смысла, что и подводит нас к актуальности онтологического определения экстремальности.

Внимательный анализ перечисленных терминов показывает, что в большинстве из них ситуационные и личностные детерминанты экстремальности не различаются, а в тех случаях, когда такое различие проводится, обнаруживается «терминологический круг». Экстремальной ситуацией называют то, что создает экстремальную реакцию, а экстремальной реакцией — то, что создается экстремальной ситуацией. Кризисной ситуацией называют то, что создает кризисные состояния, а кризисным состоянием — то, что создается кризисной ситуацией. Это распространяется также на более частные термины: травматическим стрессом называется то, что создается травматическими стрессорами, а травматическим стрессором называют то, что вызывает травматический стресс.

Отметим, что теоретический круг в данном случае создается из-за неучета смысла ситуации, события для личности. Событие обретает стрессовый, травматический характер в связи с отношением человека к этому событию с определенной точки зрения или способа существования, т.е. в связи с личностным смыслом данной ситуации.

В рамках того же натуралистического взгляда формируются варианты преодоления негативных последствий экстремальности. Фиксация на стимульных паттернах сдвигает понимание экстремальности в сферу психологического обеспечения спасательных работ в чрезвычайных ситуациях; акцент на паттерне реакций (стрессовом синдроме, посттравматических расстройствах и др.) связывает экстремальность с решением терапевтических задач; когда преодоление негативности трактуется как совладание, в персональной или консультативно-терапевтической работе формируется психотехническое понимание экстремальной ситуации, выражаемое через совокупность общеупотребимых терминов.

Собственно психологический концептуальный аппарат для понимания феномена экстремальности разрабатывается в рамках пяти подходов.

В первом — *стимульном* — подходе экстремальность определяется преимущественно в терминах факторов воздействия на организм или индивида; это чисто ситуационное определение отождествляет экстремальность с экстремальными условиями, факторами. Во втором — *реактивном* — подходе экстремальность определяется в терминах реакций индивида на воздействующие факторы; с этим подходом связаны такие понятия, как «экстремальное состояние», «экстремальная реакция», «дистресс», «экстремальный стресс», «травматический стресс», «посттравматическое стрессовое расстройство» и др. В третьем — *персоналистском* — подходе экс-

тремальность определяется в терминах личностных переменных «субъективного» восприятия, переживания, интерпретации события; этот подход можно объединить со вторым, однако в чистом виде он определяется активностью, идущей от субъекта к объекту, и не является реактивным. В четвертом — *интерактивном* — подходе экстремальность выступает как функция переменных окружения и индивида. В пятом — *транзактном* — как функция взаимодействия переменных окружения и индивида.

Для дальнейшей концептуализации феномена экстремальности необходимо дифференцировать два паттерна — стимульный (или паттерн воздействий) и паттерн реакций (или акций) — и установить механизм их «психической связи». Именно та психическая работа соотнесения, отмеченная в первом положении, и принимается нами в качестве связующего механизма. Каждая экстремальная ситуация начинается с определенного экстраординарного события в жизни человека, которое традиционно операционализируется как стимул, стрессор, воздействие. В связи с этим возникает первый вопрос: как это событие (объективный факт) субъективируется, связывается с психологической организацией человека, т.е. становится психологическим фактом?

Эмпирические данные показывают, что экстремальный стресс, нарушающий адаптацию, прямо и непосредственно не определяется тяжестью физического повреждения. Имеют значение особенности психической организации личности. В 1990-х гг. на одном из российских военных кораблей произошла авария, и пять человек, находившихся на верхнем ярусе носового машинно-котельного отделения, погибли сразу, а трое матросов пострадали от раскаленного пара. Один из них (9% ожогов) в ужасе упал и стал кричать; второй (18% ожогов) завернул товарища в бушлат и поволок его с собой вниз по трапу; третий матрос (36% ожогов) не потерял присутствия духа, сообщил командиру об аварии, а потом, соблюдая требования инструкции, выключил турбину генератора.

Второй вопрос: как реакция на экстраординарный инцидент обретает статус психологического факта? Нередко человек не чувствует угрозу, когда около него стреляют, не переживает опасность сразу после аварии, не ощущает боли в драке или в бою. Переживание страха часто возникает через некоторое время после инцидента как продукт психической обработки экстремального опыта в недрах личности.

Третий вопрос: каким образом личностные и ситуационные факторы связываются в психическое единство?

Ответим на эти вопросы, привлекая уже введенное выше понятие психической работы личности. Стимульные и реактивные паттерны становятся психическими фактами тогда, когда в ходе

душевной работы человек относится к ним тем или иным образом. Тогда оба вида паттернов обретают для него определенный смысл¹. Мы принимаем работу личности в качестве того процесса, который связывает в единство, в «психический синтез» личностные и ситуационные факторы экстремальности. Более того, многообразие связей, отношений, измерений, деятельностей связывается в единство самоидентичности личности именно во внутренней работе личности.

Итак, для онтологического понимания экстремальности мы начали с вопроса о психологическом синтезе ситуационных и личностных факторов, образующих феномен экстремальности. При этом в качестве механизма этого синтеза, связывания в целостность мы приняли феномен работы личности, которая отвечает к тому же за конституирование идентичности личности. Из всего этого следует, что феномен экстремальности — это конструктивный феномен, точно так же, как его психологические последствия — посттравматическое стрессовое расстройство и посттравматический рост. Он конструируется в ходе работы личности — практики себя, работы над собой — как определенный экзистенциальный, жизненный продукт. Личность (конкретный человек) понимается нами в бытии, и притом в многообразных отношениях, связях, деятельностях, измерениях, модусах, формах. Ее (его) самоидентичность образуется не автоматически, а в процессе работы, в которой многообразие связывается, синтезируется, удерживая различие, разделение. В этой особой работе личность открывается в отношении одного бытия к другому бытию (как собственному, так и несобственному), сочетая внутреннюю работу над собой (практику себя, заботу о себе), с работой с Другим и над Другим (заботой о Другом, практикой Другого).

Эта идея позволяет нам определить экстремальное бытие личности не через застывшие сущности, свойства, качества, факторы, а с точки зрения связывания (освоения, присвоения) кардинально нового опыта бытия (в том числе, опыта небытия) с предшествующим опытом, по сути, принципиально отличным от него.

В свою очередь, экстремальное рассмотрение личности позволяет нам перейти от определения личности на гомогенном многообразии (под приматом монопольного субъекта, самости, идентичности, целостности, синтеза) к определению ее на гетерогенном многообразии. Известная идея о значении гетерогенности в развитии психики у А.Н. Леонтьева и Л.С. Выготского и понятие различения в постмодернизме дополняются нами принципом свя-

¹ Мы различаем рефлексивную и дорефлексивную работу личности, а также отличаем рефлексивную, репрезентативную, нарративную самость, идентичность от дорефлексивной, онтологической самоидентичности — протоидентичности.

звания, что позволяет нам преодолеть противоречие модернизма и постмодернизма в вопросе о тождестве и различии. Абсолютизация тождества не позволяет нам рассмотреть личность в онтологии бытия, в то время как акцент на различии приводит к смерти субъекта, идентичности в постмодернизме. Субъект, идентичность, личность, которая умирает в неповседневном бытии (в дискурсе постмодернизма), воскресает в работе личности над собой в ходе усвоения опыта небытия, опыта Другого, чужого опыта, т.е. заботы о Другом, практике Другого.

Предельный феномен и онтология небытия

Онтологическое рассмотрение экстремальности прежде всего требует конкретизации бытия личности с точки зрения феномена предельности (в смысле конца, края, границы, конечности), который, по сути, и обозначается в литературе разными словами — стрессы, кризисы, травмы и др. Онтология небытия принимается нами как сердцевина экстремальности, поскольку латинское слово *extrēmum* означает «край», «конец» и происходит от слова *extrēmus* — «крайний», «конечный», например *in extreme libro* — в заключение книги (Словарь..., 2004).

Экстремальное, неповседневное бытие личности конституируется вторжением смерти в жизнь, т.е. освоением опыта небытия. Обратив внимание на факт появления феномена небытия как основополагающего в феномене экстремальности, не будем подвергать его теоретическому и онтологическому подавлению и попытаемся понятийно и концептуально оформить. При этом предельность, характеризующуюся небытием, мы попытаемся ухватить в позитивном плане.

Экстремальность возникает тогда и только тогда, когда феномен небытия, мыслящийся по ту сторону жизни, открывается в посясторонности существования. Именно превращение небытия из потустороннего в посясторонний феномен выводит существование человека за пределы обыденного, повседневного бытия. Устраняя онтологическое вытеснение небытия в жизни человека, экстремальность устраняет теоретическое вытеснение смерти в психологии.

Таким образом, к модной в психологии онтологии бытия личности, на наш взгляд, надо добавить онтологию небытия — существования личности в небытии, усвоения опыта небытия. Под усвоением опыта понимается переход не столько значений или деятельности, сколько единиц жизни, форм культурно-исторического бытия.

Если мы разделяем человеческое существование на две качественно разные, хотя взаимопроникающие реальности — повседневную и неповседневную, — то нам надо уточнить смысловые структуры жизненного мира. В традиционной философии и пси-

хологии повседневная реальность конституируется как жизненный мир с той или иной смысловой структурой (Гуссерль, 2004). Однако неповседневная реальность — это трансценденция жизненного мира и соответственно жизненных смыслов — L-смысловых структур. Эти структуры очерчивают горизонт, границы повседневного жизненного мира как верховной реальности для всех аспектов повседневности, вне зависимости от характера ценностных образований.

Мы различаем L-смысловые образования, конституированные «задачей на жизнь», утверждением жизни, и D-смысловые образования, конституированные «задачей на смерть, на небытие», тематизированные утратой, деструкцией, исчезновением и т.д. Диалектическая смысловая структура, построенная на взаимосвязи L и D смыслов, характерна не только для неповседневности, но и для повседневности. Повседневность разворачивается в горизонте L-смыслов в условиях редукции, отклонения, отрицания, деавуирования D-смыслов. Тем не менее в своих предельных формах D-смыслы прорываются и в повседневность, но латентно они выражаются во всех смысловых образованиях.

Дифференциация смыслового образования с точки зрения смысла бытия и смысла небытия требует уточнения личностного смысла в «бытии-между» — в переходе смысла для меня (это традиционное понимание) и смысла для Другого. Столкновение своего и чужого смыслов приводит порой к противоречию, конфликту, кризису и борьбе. В этом плане понятие овладения опытом надо уточнить с точки зрения усвоения чужого опыта и смысловых структур Другого. В экстремальной ситуации личность сталкивается с необходимостью усвоения того, что чуждо для нее и непривычно в повседневном опыте. Личностный смысл в рассматриваемом значении не монологичен, а диалогичен. Он определяется, конституируется на перекрестии смысла-для-меня и смысла-для-Другого.

Гетерогенные смысловые структуры

Признание существования сингулярного человека в жизненном мире с гетерогенной, неиерархизируемой, неассимилируемой смысловой структурой является одним из важных положений, которые мы здесь отстаиваем. От «желудочной психологии» ассимиляции смыслов, значений, опыта мы переходим в психологии к смысловой соотносительности существования — со-существования гетерогенных, несистемных смыслов. Возникновение таких смысловых структур характерно не только для катастрофической экстремальности, но и для жизни современного человека, существующего в гетерогенных жизненных мирах, в культурном многообразии. Сосущество-

вание во взаимно не ассимилируемых культурах осуществляется посредством работы личности, которая связывает многообразие социокультурных форм бытия, удерживая различия.

Самоидентичность не является вариацией социокультурной матрицы, паттерна обобщений, дискурсов, нарративов, диспозитивов. Она трансформирует и связывает многообразие собственных существований, миров, культур. Признание многообразия трансформирующихся культур требует признания связующе-различающей работы личности и раскрытия самости в бытийно-темпоральном горизонте «бытия-между», между Я и Другим, в единстве индивидуации и приобщения.

Экстремальность связана с переходом из повседневной реальности в неповседневную и обратно. Эти переходы сопровождаются сменой смысловых структур жизненного мира. В соответствии с этой сменой у человека трансформируются мотивация, смысловые образования, картина мира и др. Эти трансформации сопровождаются напряженной внутренней работой и сильным переживанием не только ужаса, отчаяния, утраты, но и обретения, благополучия и т.д.

Приобретая в своей сути транзитный характер, экстремальность получает свое определение как существование в переходе повседневности и неповседневности и наоборот. Поэтому мы считаем ошибочным относить экстремальность только к инцидентальной ситуации. В действительности, экстремальность возникает в сочетании двух указанных движений и темпорально-пространственно выходит за пределы инцидентальной ситуации. Наиболее полное свое становление экстремальность получает отсроченно — в ситуации возвращения в мир, который он перед этим покинул. Люди возвращаются с чужбины, с войны, из дальних странствий, больниц, тюрем, после недугов, бедствий и т.д. Обычно ситуация возвращения — это повседневная реальность, но именно в недрах повседневности, т.е. в постинцидентальном модусе, в психической работе отсроченно созревает феномен экстремальности. Таким образом, за планом неотложности, моментальности в экстремальности содержится план отсроченности. В определенном смысле экстремальность — это феномен замедленного действия, процесс становления, развития определенного способа бытия личности, идентичности в ходе усвоения опыта.

Позитивность и негативность экстремальности

Мы выделяем в экстремальности две ипостаси — позитивную и негативную. В ней взаимодействуют феномен страдания, потери и феномен обретения, благополучия. Позитивно-негативный характер экстремальности отражается прежде всего в специфике

мотивации человека. В экстремальной ситуации актуализируются две мотивационные формы: сохранение бытия в ситуации угрозы небытия и становление бытия вопреки угрозе небытия. Два фундаментальных типа мотивации — мотивация выживания (рекурсивная) и мотивация роста (трангрессивная) — взаимно пересекаются и переплетаются. В экстремальной ситуации равно актуализируются и возможность деструкции, и стремление к человечности. Экстремальная ситуация характеризуется близким контактом человеческого и нечеловеческого, не только насилия, мученичества, но и стойкости, мужества, святости, а также солидарности, помощи. Феномен экстремальности радикально обнажает существо ситуации личности в мире и во времени, которая требует не только описания и объяснения и соответственно переживания и понимания, но и помощи, и заботы. Психическая работа (в частности, работа личности) определяется не только в традиционном гносеологическом плане отражения, ориентировки, но и в онтологическом плане как экзистенциальная работа личности с формами своей жизнедеятельности и с собственной субъектностью. Именно в этой работе конструируются постэкстремальные феномены — посттравматическое стрессовое расстройство, посттравматический рост личности и др.

Понятие «работа личности» конкретизируется в понятиях мотивационной работы, смысловой работы и других — работы сознания, работы горя, рефлексии, автобиографической работы и т.д. При этом и мотивационная работа, и смысловая работа, и эмоциональная работа, и работа связывания рассматриваются в «бытии-между», в со-бытии Я и Другого, т.е. как диалогические, коммуникативные феномены. Всякий мотив есть отношение, и его надо определять как процесс коммуникации, диалога между одним Я и другим Я. Но и этого недостаточно: мотивация — это не только регуляция и управление поведением и деятельностью, но и форма заботы личности о совместном бытии.

Работа личности конкретизируется в личностных актах. В отличие от действий в структуре деятельности личностные акты направлены на себя (Другого), а также на обеспечение выполнения действий. Для того чтобы говорить об актах, процессах, действиях личности, нам надо устранить теоретический круг и дифференцировать работу личности и деятельность субъекта. Человек дифференцируется (Homo-duplex). Проводимая им работа есть процесс обращения с деятельностью, осуществления определенных форм жизни, что требует усвоения, овладения опытом. Интериоризация дискурсов, нарративов, диспозитивов, интерпретаций, культурных кодов, семиотических, сигнификативных структур, форм жизни опосредствована работой личности.

Одна из задач мотивационной работы личности — создание условий для осуществления жизнедеятельности, деятельности, действий, поведения. Базисным условием деятельности является конституирование определенной самоидентичности, релевантной фактической, конкретной жизненной ситуации. Так в экстремальной ситуации, конституированной экстремальным событием, и деятельность личности, и переход из одного жизненного мира в другой требуют перехода идентичности. Следовательно, в мотивационной работе актуализируется определенный мотивационный субъект, направленный в мотивационной работе на интенциональный предмет. Только интенциональный предмет мотивации — это не фиксированная предметность, обобщенная в значении, а мотивационное событие, мотивационные отношения, которые надо осуществить превращением будущего в актуальное настоящее в темпоральной перспективе.

Не только делание чего-то (например, участие в боевых операциях), но и неделание (например, работа над собой, чтобы «сохранить человечность», «не превратиться в зверя», «не уродовать душу») — важные задачи, стоящие перед человеком в неповседневном, да и в повседневном мире. Психическую деятельность человека, надо рассматривать в единстве пассивности и активности, делания и неделания, действия и страдания (Магомед-Эминов, 2005, 2007).

Пассивная работа может иметь разные формы: 1) напряженной внутренней работы в подготовительной стадии того или иного деяния; 2) состояния релаксации, сна; 3) рефлексивной работы; 4) готовности, ожидания акта, действия в совместно-разделенной деятельности; 5) недеяния — непричинения зла, проявления стойкости; 6) страдания — в экстремальной ситуации человек и действует, и страдает, как и во всей жизни; 7) синтетической работы личности, в ходе которой конституируется ее идентичность, самость, субъектность как основание для осуществления определенной функции; 8) пассивного синтеза временной перспективы личности.

В завершение анализа сделаем следующие основные **выводы**.

1. Онтологический подход, предлагаемый в данной работе, переносит акцент в понимании феномена экстремальности с медицинских, биологических, стимульно-реактивных или эмоционально-когнитивных трактовок на рассмотрение конкретного человека в предельных способах бытия, в которых он не только реагирует на трудности, но и решает «задачу на смысл» — задачу на жизнь (термин А.Н. Леонтьева), на бытие.

2. Экстремальность — это ценностно-смысловой феномен, который конституируется в инстанции отношения, обращения, т.е. работы личности со способами, формами своего существования, бытия, жизни в совместном мире.

3. Феномен смысла личности уточняется в двух планах — в плане смысла жизни (L-смысл) и смысла смерти (D-смысл), в диалектическом взаимодействии которых конституируются смысловые образования экстремального жизненного мира личности.

4. Экстремальный опыт — это опыт, выходящий за пределы обычного, повседневного существования человека, т.е. опыт, который конституируется на пересечении повседневного и неповседневного жизненного опыта личности, а значит, в «столкновении» L- и D-смыслов.

5. Экстремальность в своей полноте не может быть сведена к негативности, а представляет собой феномен, образующийся во взаимодействии позитивного и негативного, страдания и благополучия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский Ю.А., Лобастов О.С., Спивак Л.И., Шукин Б.П. Психогении в экстремальных ситуациях. М.: Медицина, 1991.

Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3—18.

Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: Росс. педагог. агентство, 1998.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.

Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004.

Дикая Л.Г., Махнач А.В. Отношение человека к неблагоприятным жизненным событиям и факторы их формирования // Психол. журнал. 1996. Т. 17. № 3. С. 19—34.

Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А., Пономаренко В.А. Готовность к деятельности в напряженных ситуациях: Психол. аспект. Минск: Изд-во «Университетское», 1985.

Кекелидзе З.И. Введение в психиатрию чрезвычайных ситуаций // Медицинская и судебная психология: Учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, 2004. С. 307—338.

Лебедев В.И. Личность в экстремальных условиях. М.: Политиздат, 1989.

Магомед-Эминов М.Ш. Психология уцелевшего // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2005. № 3. С. 3—19.

Магомед-Эминов М.Ш. Позитивная психология человека. От психологии субъекта к психологии бытия: В 2 т. М.: ПАРФ, 2007.

Марищук В.Л., Евдокимов В.И. Поведение и саморегуляция человека в условиях стресса. СПб: ИД «Сентябрь», 2001.

Нартова-Бочавер С.К. «Coping behaviour» в системе понятий психологии личности // Психол. журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 20—30.

Словарь латинско-русский и русско-латинский. М.: Флинта, Наука, 2004.

Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.

Baider L., Sarell M. Coping with cancer among Holocaust survivors in Israel: An exploratory study // *Journal of Human Stress*. 1984. Vol. 10. N 3. P. 121—127.

Davidson S. Human reciprocity among the Jewish prisoners // *The Nazi concentration camps: Proc. of the 4th Yad Vashem Intern. conf.* (Jerusalem, January 1980). Jerusalem, 1984. P. 555—572.

Figley C.R. Post-traumatic stress: The role of the family and social support systems // *Trauma and its wake* / Ed. by C.R. Figley. Vol. 2: Post-Traumatic Stress Disorder: Theory, research, and treatment. N.Y.: Brunner/Mazel, 1986. P. 398—416.

Krystal H. Massive psychic trauma. N.Y.: Intern. Univ. Press, 1968.

Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer Publishing Company Inc., 1984.

McCaughey B.G. U.S. Coast Guard collision at sea // *Journal of Human Stress*. 1985. Vol. 11. P. 42—46.

Selye H.A. The stress of life. N.Y.: McGraw Hill, 1956.

Selye H.A. Stress without distress. Philadelphia: J.B. Lippincott Co., 1974.

Selye H.A. Stress in health and disease. Boston, London: Butterworth-Heinemann Ltd., 1976.

Schmolling P. Human reactions to the Nazi concentration camps: A summing up // *Journal of Human Stress*. 1984. Vol. 10. P. 108—120.

Van der Kolk B.A., Van der Hart O., Marmar C. Dissociation and information processing in posttraumatic stress disorder // *Traumatic stress: The effects of overwhelming experience on mind, body, and society* / Ed. by B. Van der Kolk, A.C. McFarlane, L. Weisaeth. N.Y.: Guilford, 1996. P. 303—322.

Wilson J.P., Krauss G. Predicting PTSD among Vietnam veterans // *Post-traumatic stress disorder and the war veteran patient* / Ed. by W.E. Kelly. N.Y.: Brunner/Mazel, 1985. P. 102—147.

Поступила в редакцию

17.02.14